

— Поначалу я думал, что наша встреча с Лао Баем — чистая случайность, судьба, — усмехнулся Чу Цзяньцин. — И представить не мог, что он всё подстроил.

Они сидели вдвоём, и в голосе певца звучала мягкая ностальгия.

— Тогда я как раз загорелся идеей выпустить альбом в традиционном китайском стиле и искал автора текстов. Постоянно пропадал на литературных форумах, заглядывал к поэтам-песенникам. И вот однажды наткнулся на стихи, написанные на одну из моих старых мелодий. Они меня просто покорили.

Чу Цзяньцин на мгновение замолчал, в его глазах промелькнула теплота.

— Лишь позже выяснилось, что он специально разузнал, на каких ресурсах я бываю чаще всего. Он выкладывал там свои работы одну за другой, только чтобы привлечь моё внимание. И, надо признать, преуспел.

Лу Янь слушал затаив дыхание.

— Я-то решил, что он мой преданный фанат, — продолжал Чу Цзяньцин. — Но когда мы начали общаться ближе, он во всём признался. Сказал, что у него есть близкий друг, который от меня без ума. У этого друга близился день рождения, и Бай хотел достать для него коллекционное издание альбома с автографом. Взамен он пообещал писать для меня тексты бесплатно, пока я не останусь доволен на все сто.

Он покачал головой:

— Так мы и познакомились. Сотрудничали, общались, постепенно сдружились в сети. Он ведь тогда не сказал тебе об этом? Наверное, хотел устроить сюрприз. Кажется, он как раз собирался в город Б на какую-то олимпиаду? Я тогда через знакомых передал ему тот самый альбом.

Чу Цзяньцин посмотрел Лу Яню прямо в глаза:

— Ты ведь получил его?

Лу Янь замер. Он поднял взгляд на собеседника, и в глубине его взгляда отразилась глухая боль.

— Нет, — едва слышно ответил он.

Тогда, сразу после возвращения Бай Муюня, они расстались.

Потом навалилось столько всего, что Баю, скорее всего, было уже не до подарков.

— Раньше я считал тебя обычным подлецом, который поматросил и бросил, — задумчиво произнёс Чу Цзяньцин. — Но теперь вижу, что всё не так просто.

— Это я виноват, — коротко отрезал Лу Янь.

— Если ты действительно хочешь его вернуть, лучше прояснить все недоразумения как можно скорее. Лао Бай не из тех, кто станет терпеть камни за пазухой.

Видя, как эти двое топчутся на месте, Чу Цзяньцин не выдержал. Он годами наблюдал за тем, каким холодным и отстранённым стал Бай Муюнь. Вся его страсть уходила в работу. Результат — тело в шрамах от вечных съёмок в боевиках, вечные гастриты, бессонница и нервное истощение от бесконечного писательства. В обычной жизни Бай напоминал старого монаха в глубокой медитации: ничего не желал, ни к чему не стремился. Серая, безжизненная тень самого себя.

Но с появлением Лу Яня в нём снова забились жизнь. Пусть Бай злился, пусть раздражался — это было лучше, чем прежнее оцепенение. Как старый друг, он просто не мог стоять в стороне.

— Если люди неискренни друг с другом, долго такие отношения не продержатся.

Лу Янь внезапно помрачнел. В его взгляде промелькнула холодная настороженность и даже... тень враждебности.

Чу Цзяньцин опешил. Какой фанат будет так смотреть на своего кумира?

— Он когда-то сказал мне то же самое, — ледяным тоном произнёс Лу Янь. — Не зря вы дружите столько лет.

«Ого, да он ревнует», — мысленно усмехнулся певец. Ситуация становилась всё забавнее: оба ревновали его друг к другу.

«Ну, а чего ты хотел, Чу? — самодовольно подумал он про себя. — С твоей-то внешностью, талантом и статью... Зависть — это нормально». Но вслух он продолжил совершенно серьёзно:

— Я не имел в виду ничего дурного...

— Я понимаю, — Лу Янь досадно поморщился, осознав, что опять сорвался. — Вы оба правы. Но

есть вещи, которые не решаются простым разговором.

— Поверь мне, если ты откроешься ему, Лао Бай поймёт.

Лу Янь горько улыбнулся. Эта улыбка была полна надрыва и усталости.

— Никто не захочет обнажать перед любимым человеком свою неприглядность и надлом.

Он посмотрел в пространство, словно видя что-то невидимое для других.

— Такие люди будут до последнего скрывать правду. Они станут нагромождать всё самое яркое, блестящее и прекрасное поверх сточных вод своей жизни, лишь бы создать иллюзию благополучия. Вам этого не понять, Брат Чу. Мы из разных миров.

Чу Цзяньцин на мгновение лишился дара речи.

— И ты всё равно смеешь быть рядом с ним? Не боишься, что он всё узнает?

— Люди... — Лу Янь прищурился, и в его глазах не было и тени прежней весёлости. — Самые скверные, эгоистичные, сложные и алчные существа. Мы всегда рвёмся туда, где нам не место. Пока разум пытается всё осмыслить, ноги уже несут тебя к нему.

Чу Цзяньцин не ожидал увидеть Лу Яня таким. Он привык считать его мягким и светлым, как весенний ветерок, но теперь понимал, как ошибался. У каждого есть тёмная сторона, и у Лу Яня она, похоже, лишь слегка прикрыта солнечным светом. Стоит солнцу зайти — и тьма поглотит его целиком. И речь не о злобе, а о чём-то более глубоком: об отчаянии, боли и искажённом восприятии реальности.

Размышляя об этом, Чу Цзяньцин случайно глянул в сторону кухни. Там, прислонившись к косяку, стоял Бай Муюнь. Он был бесстрастен, но взгляд его был прикован к Лу Яню.

Чу вздрогнул. Неизвестно, сколько тот там простоял.

— Лао Бай.

Лу Янь тоже вскочил, мгновенно спрятав всех своих демонов за привычной улыбкой.

— Вы закончили обсуждать дела?

Бай Муюнь стоял там с того момента, как Чу Цзяньцин произнёс: «Если ты откроешься ему, он поймёт». Он слышал каждое слово.

Слова «неприглядность» и «надлом» отозвались в его сердце острой, режущей болью. Что же должно было произойти, чтобы Лу Янь использовал такие определения?

Но он заставил себя сохранить маску спокойствия.

— Да.

Бай Муюнь подошёл, взял Лу Яня за руку и бросил Чу Цзяньцину:

— Я заберу его ненадолго. Располагайтесь.

— Ага, — только и смог выдать тот.

Бай увёл Лу Яня на второй этаж. Зайдя в комнату, он достал из шкафа вещи и протянул их гостю:

— Переоденься.

Лу Янь непонимающе моргнул.

— У тебя рукава мокрые, — пояснил Бай.

Пока Лу Янь переодевался, Бай Муюнь приготовил всё для «маскировки». Первым делом он попытался приклеить Лу Яню бутафорскую бороду. Он приподнял его лицо за подбородок, критически осмотрел результат... Борода ничуть не скрывала изящных черт и какой-то девичьей белизны кожи. Нет, только портила всё.

Бай резким движением сорвал накладку.

— Ой! — Лу Янь зашипел от боли, в уголках глаз выступили слёзы.

Бай мягко коснулся его щеки, потирая покрасневшее место.

— Прости, — прошептал он.

Лу Янь, всё ещё не веря, что Киноимператор сам держит его за руку, робко спросил:

— Куда мы пойдём?

— Хочешь посмотреть на световое шоу?

Сегодня в городе проходила масштабная выставка инсталляций, открытая до двух ночи.

— Хочу! Мы пойдём вместе? — с надеждой переспросил Лу Янь.

— Да. Обойдёмся без бороды, просто надень маску. Есть риск, что нас узнают. Боишься?

— Ты должен спрашивать это у себя, — усмехнулся Лу Янь. — Это ведь не я звезда.

Бай Муюнь улыбнулся и чуть склонил голову:

— А ты не боишься, что нас увидят вместе?

Лу Янь словно очнулся. Радость мгновенно угасла, он побледнел и опустил голову.

— Наверное... лучше нам никуда не ходить.

— Почему? Ты же говорил, что любишь меня.

— Но тебя ведь узнают! — в отчаянии воскликнул Лу Янь. — Ты актёр, тебе нельзя...

— Нельзя влипать в гей-скандалы? — перебил его Бай.

Лу Янь понуро кивнул.

Бай Муюнь опустился перед ним на корточки, так что теперь он смотрел на сидящего Лу Яня снизу вверх. В его янтарных глазах горел странный, почти безумный огонь решимости.

— Лу Янь, запомни: в этом мире нет никого, кто мог бы диктовать мне условия, кроме меня самого и тех, кого я люблю.

Он сжал его ладони:

— Просто скажи: ты хочешь пойти со мной?

Лу Янь заглянул в эту золотистую глубину. Там была уверенность, глубина и капля того самого «надлома», который он так пытался скрыть в себе.

С ним он пошёл бы куда угодно. В рай, в ад, по широкому проспекту или по шаткому гнилому мостику — всё равно, лишь бы рядом.

Лу Янь решительно кивнул.

Выставка света.

Они медленно шли по тропинке, держась за руки. Вокруг царил полумрак — огни светились лишь у инсталляций, оставляя пространство между ними погружённым в густые тени.

Лу Янь уже в который раз попытался высвободить ладонь, и Бай Муюнь, не выдержав, переплёл их пальцы в замок, крепко сжимая руку партнёра.

Лу Янь испуганно огляделся.

— Ты что творишь? А если увидят? — прошептал он.

— Струсил?

— Нет! Я за тебя боюсь! Ты хоть понимаешь, какой удар это нанесёт по твоей карьере?

Бай Муюнь коротко рассмеялся:

— Ну, пусть наносит. С самого дебюта у меня всё шло слишком гладко. Интересно же узнать, каково это — оказаться под запретом.

Лу Янь застыл, округлив глаза:

— Ты с ума сошёл?

Бай свободной рукой взъерошил волосы на его макушке и вздохнул с какой-то нежной усталостью:

— Глупый... Я больше не могу терпеть.

Всё. С него хватило. Рядом с Лу Янем любые принципы летели к чертям. Неважно, что тот скрывает, — пока в этом сердце есть любовь, остальное вторично. Баю просто хотелось оберегать этого человека, баловать его, чтобы тот больше никогда не плакал, не чувствовал

себя «неприглядным» и не пытался оттолкнуть его.

— Чего не можешь терпеть? — не понял Лу Янь.

— Того, как ты снова и снова пытаешься меня прогнать.

Лу Янь остановился, потянув Бая за собой. В темноте его глаза поблескивали. Он поднял их сцепленные руки:

— Кто мы теперь друг другу? Какой у нас статус?

Бай Муюнь на мгновение задумался.

— Интрижка. Флирт с неопределённым концом.

Лу Янь возмущённо вскинулся:

— Твоя «интрижка» позволяет тебе так нагло сплетать пальцы?

— Вполне.

— Да как так-то!

Бай притянул его к себе и прошептал на самое ухо:

— У меня такая «интрижка» — только с тобой.

Лу Яню стало жарко, сердце пустилось вскач, как у зелёного юнца на первом свидании. Почувствовав небывалую смелость, он решил пойти ва-банк:

— Я не хочу неопределённости. Можно мне... официальный статус?

Бай приподнял бровь:

— Не хочешь флирта? Что ж, давай вернёмся к чисто деловым отношениям коллег.

— Нет! — запаниковал Лу Янь.

— Хочешь стать официальной парой?

Тот быстро и часто закивал.

Бай Муюнь легонько щелкнул его по носу:

— Тогда старайся лучше. Продолжай ухаживать, глядишь, однажды и дослужишься до повышения.

Они прошли ещё немного и присели на скамейку в уединённом уголке. Бай Муюнь делал вид, что не замечает, как Лу Янь то и дело бросает на него красноречивые взгляды. Он уже собирался подколоть его, как вдруг Лу Янь решительно перекинул ногу и сел к нему на колени, крепко обнимая за шею.

Он оцепенел.

— Ты... что творишь? — выдохнул он, глядя в горящее лицо напротив.

Лу Янь, красный как мак, обхватил лицо Бая ладонями и совершенно серьёзно спросил:

— Тем, с кем крутят интрижки, полагаются поцелуи?

Всё тело Бая мгновенно отозвалось жаром, в груди стало тесно. Он судорожно сглотнул.

— А ты как думаешь?

Лу Янь завожился, устраиваясь удобнее, и Бай мёртвой хваткой вцепился в его талию. Взгляд Киноимператора потяжелел, голос стал хриплым и низким:

— Не двигайся.

— Поехали в отель, — прошептал Лу Янь ему в самые губы.

Твою ж...

Бай Муюнь почувствовал, что горит заживо. Он процедил сквозь зубы:

— Дай тебе... палец... ты и руку... откусишь.

Только что обнимались, и вот уже — отель?!

Бай Муюнь решительно стащил Лу Яня с колен. Ещё пара секунд — и его «младший брат» окончательно заявит о своих правах.

— Прости, я погорячился, не стоило набрасываться на тебя здесь, — Лу Янь начал поспешно каяться, но тут же снова придвинулся к самому уху Бая. — Так мы едем в отель?

Бай Муюнь: «...»

Он совсем забыл: в прошлом стоило ему дать Лу Яню хоть каплю воли, хоть маленькую табуретку вместо лестницы — и тот мгновенно взбирался на самую голову. Навык «сесть на шею» у этого парня был отточен до совершенства.

Прошло двенадцать лет, а Лу Янь ни капли не изменился.

«Сам же его избаловал тогда», — сурово напомнил себе Бай Муюнь.

Он глубоко вздохнул и произнёс максимально холодным тоном:

— Я не слышал, чтобы с объектами «интрижек» ехали в отель в первый же вечер.

— Зато я не слышал, чтобы с ними за руки держались, — парировал Лу Янь.

— Кто тут за кем ухаживает, ты или я?

— Если моей душе пока не дают «официальный статус», может, хотя бы тело его получит? — Лу Янь положил ладонь на грудь Бая, чувствуя его бешеное сердцебиение. Его голос стал тягучим, полным соблазна: — Красавчик, тебе разве не одиноко?

Бай Муюнь накрыл лицо Лу Яня ладонью, подавляя яростное желание устроить «казнь» на месте.

— Выставка закрывается, — ледяным тоном бросил он. — Пора домой.

С этими словами он резко встал и зашагал к выходу.

Лу Янь бросился следом, продолжая тараторить на ходу:

— Можно и к тебе домой, даже лучше! Только надо по пути заскочить в магазин, купить кое-что...

— Заткнись.

<http://bllate.org/book/18159/1758878>